

С. М. Абрамзон

Предметы культа казахов, киргизов и каракалпаков

Как известно, все народы Средней Азии и Казахстана, за малым исключением, принадлежали в прошлом к мусульманскому миру. Хотя официальные догмы ислама огромному большинству местного населения были известны лишь в самой элементарной форме, а обязанности, которые возлагал ислам на своих адептов, выполнялись далеко не всеми верующими, тем не менее мировоззрение жителей этого региона было основано главным образом на мусульманском вероучении. Но степень религиозности оседлых земледельцев и скотоводов — кочевников и полукочевников — не была одинаковой. Это обстоятельство было обусловлено конкретно-историческими особенностями общественного и экономического развития того или иного народа либо его локальных групп. Кроме того, уровень религиозности прямо соотносился с социальной структурой общества: среди господствовавших классов он был значительно выше.

Неравномерность эволюции религиозных представлений может быть прослежена на примере казахов, киргизов и каракалпаков. Как считают историки, в степях Казахстана ислам получил широкое распространение не ранее XIV в., во времена золотоордынского хана Узбека. Однако, по сообщению среднеазиатского автора Рузбехана, которое относится к XIV в., богословы Мавераннахра и Хорасана считали казахов того времени идолопоклонниками и вероотступниками. «Известно, — пишет Рузбехан, — что среди казахов все еще держатся некоторые признаки неверия, например сохранилось идолоподобное изображение, которому они поклоняются, что несовместимо с мусульманством. . . Кроме поклонения идолам у казахов имеются и другие признаки неверия: они в Бухаре, Самарканде и других мусульманских странах захватывают мусульман в плен и продают их в рабство».¹ Далее он сообщает: «Когда наступает пора весны и появляется кумыс, в первый раз казах, как берет чашу кумыса, прежде чем выпить ее, обращает лицо в сторону солнца и выплескивает небольшое количество напитка по направлению к востоку, а затем совершает земной поклон солнцу. Вероятно, это есть проявление благодарности солнцу за то, что оно выращивает травы. . . Но поскольку в прошлые времена народы обожествляли все ложное, то и солнце было предметом поклонения, а после же принятия ислама поклонение ему есть явное вероотступничество».²

¹ Цит. по кн.: Вяткин М. Очерки по истории КазССР, т. I. М., 1941, с. 323.

² Ибрагимов С. К. «Михман — намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. — В кн.: Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 152. (Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 8).

Из достоверных данных, содержащихся в трудах известного востоковеда Ч. Ч. Валиханова, следует, что вплоть до второй половины XIX в. ислам у казахов был тесно переплетен с многочисленными пережитками домусульманских верований. Более прочно ортодоксальный ислам держался среди феодальной знати, народные массы представляли его себе совсем по-иному. Касаясь шаманства у казахов, Ч. Ч. Валиханов отмечает, что оно «смешалось с мусульманскими поверьями и, смешавшись, составило одну веру, которая называлась мусульманской, но [они] не знали Магомета, верили в Аллаха и в то же время в онгонов, приносили жертвы на гробницах мусульманским угодникам, верили в шамана и уважали магометанских ходжей. Поклонялись огню, а шаманы призывали вместе с онгонами мусульманских ангелов и восхваляли Аллаха. Такие противоречия нисколько не мешали друг другу, и киргизы (казахи, — С. А.) верили во все это вместе . . . Мусульманство среди народа безграмотного без мулл не могло укорениться, но оставалось звуком, фразой, под которыми оставались прежние шаманские понятия».³ «Но тем не менее, — пишет автор несколькими строками ниже, — основания шаманской веры были поколеблены магометанским единобожием». И в конце XIX—начале XX в. у казахов все же сохранялось немало древних верований.

Распространение ислама среди киргизов относится к значительно более позднему времени. В сочинении Сейфи, датированном 1582 г., сообщается, что казахи были мусульманами ханифитского толка, тогда как киргизы не были «ни кафирами, ни мусульманами». Как отмечает академик В. В. Бартольд, «даже писавший в XVII в. по-персидски узбекский историк Махмуд ибн Вели называет киргизов кафирами».⁴ Но именно ко второй половине XVII в. следует, по-видимому, отнести приобщение части киргизов к исламу, поскольку в этот период произошло переселение значительной массы киргизов в пределы Ферганы в связи с захватом киргизских земель ойратскими феодалами. Здесь киргизы попали в сферу активной деятельности местного мусульманского духовенства. Об интенсивной деятельности суфийских шейхов, направленной на обращение киргизов-«язычников» в мусульман, ярко повествует ряд сочинений (особенно агиографического характера), относящихся ко второй половине XVI и к XVII в.⁵ Во второй половине XVII—XVIII в. киргизы были уже в значительной мере приверженцами мусульманского вероучения. Касаясь войн киргизов с ойратскими феодалами, вторгшимися на их земли, В. В. Радлов писал: «Эти войны собственно не были религиозными, но калмыцкие князья и китайцы своими притеснениями возбудили в киргизах-магометанах религиозную ненависть к неверующим врагам».⁶ Таким образом, в основе вражды между киргизами и калмыками лежали не религиозные, а социальные мотивы. Лишь после завоевания в первой трети XIX в. территории Киргизии узбекскими феодалами и присоединения ее к Кокандскому ханству начинается более значительное по масштабам насаждение ислама среди киргизов, причем и здесь, как и у казахов, оно было успешным прежде всего среди представителей феодальной верхушки.

Не в меньшей, а возможно, даже в большей мере, чем у казахов, многочисленные пережитки древних религиозных представлений и культов сохранялись у киргизов и в XIX—начале XX в. Для середины XIX в. имеются вполне исчерпывающие сведения об этом в записях Ч. Ч. Валиханова, относящихся к киргизам. По его словам, они «исповедывают мусульманскую

³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1. Алма-Ата, 1961, с. 470. — О мусульманстве и домусульманских верованиях у казахов см. с. 112—120, 469—493, 524—529.

⁴ Бартольд В. В. Чингиз-хан и монголы. — Соч., т. I. М., 1963, с. 517.

⁵ Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, вып. 1, с. 177—216.

⁶ Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V. Наречие дикокаменных киргизов. СПб., 1885, с. XI.

религию или, лучше, называют себя мусульманами, не зная ни догматов веры, ни его треб. Все обряды их и поверья до сих пор сохранили полный оттенок шаманства. . . Поверья, обряды и заклинания шаманства их совершенно сходны с шаманским же элементом киргиз [-кайсаков]. . . в Орде наших киргиз (казахов, — С. А.) все эти поверья и обряды искоренились, но у дикокаменных (так называли тогда собственно киргизов, — С. А.) они еще в силе: ни муллы, ни ходжи и другие мусульманские учителя не были еще среди этого народа. Не только грамотных людей, понимающих элементарные начала веры, даже исполняющих пятивременный намаз и рузу (религиозный пост, — С. А.), между дикокаменными киргизами нет. . . Имя аллаха у них в большом употреблении, они называют его, как древние монголы, куктенгри (небо-бог). Огонь, луна, звезды суть предметы их обожания. . . Духи умерших также получают значение божественное, и в честь их ставят свечи, приносят в жертву баранов. . . Бахши, жрецы шаманства, имеют в этой орде большой почет». ⁷

Позднейшие исследования позволили подробно изучить широкий круг домусульманских представлений, уживавшихся у киргизов с исламом. ⁸

Несколько по-иному развивалась религиозная идеология у каракалпаков. Процесс сложения каракалпакских племен в народность завершился в XV—XVI вв. в составе Ногайского ханства, т.е. в мусульманской среде. Позднее, во второй половине XVIII и в начале XIX в., каракалпаки по разным причинам оказались на территории Хивинского ханства и здесь подверглись сильному влиянию наиболее реакционного течения в исламе — суфизма. Руководители суфийских общин — ишаны — «играли едва ли не более значительную роль в духовной жизни каракалпаков, чем ортодоксальное мусульманское духовенство. . . Помимо ислама, мировоззрение народа было проникнуто множеством суеверий и остатком древних верований». ⁹

Поскольку собственно мусульманский культ крайне беден регалиями, в коллекциях МАЭ представлено лишь небольшое число относящихся к нему предметов. Среди последних имеется *намаздык* — коврик войлочный, прямоугольной формы (колл. № 410—16). Он скатан из белой шерсти. С лицевой стороны вкатаны, не создавая узора, пятна из красной шерсти. Подобный коврик казахи расстилали и совершали на нем молитву (*намаз*). Длина коврика — 183 см, ширина — 136 см. Получен в дар от К. Н. де Лазари в 1898 г. Приобретен в Лепсинском уезде Семиреченской области.

Там же и тем же собирателем приобретен другой предмет, употребляемый верующими мусульманами, особенно пожилыми и стариками: четки из верблюжьей кости (колл. № 411—8). Их называют арабским словом *теспе*. Они представляют собой бусины круглой неправильной формы, нанизанные на нитку. Всего на нитке должно быть 99 бусин (18 из них отсутствуют). Они разделены на три части тремя вставками другой формы. Две из них — небольшие цилиндрики со слегка суженными вершинами, третья имеет форму шахматной ладьи. Общая длина нитки с бусинами — 28 см, наибольшая ширина бусин — 0.8 см, длина вставок — 1.5 и 2 см.

К той же коллекции принадлежит деревянная палка-посох (колл. № 411—11), которая в описи собирателя названа термином *асай-мусай* (рис. 1). С нею, указывает он, ходят проповедники. По всей вероятности, этот посох употреблялся тем из проповедников, который принадлежал к категории

⁷ В а л и х а н о в Ч. Ч. Собр. соч., т. I, с. 369—370. ■

⁸ См.: А б р а м з о н С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 267—339; Б а я л и е в а Т. Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.

⁹ Ж д а н к о Т. А. Каракалпаки. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана (серия «Народы мира»), т. I. М., 1962, с. 412—416, 490.

приверженцев суфийского учения — дервишей. Много странствующих дервишей бродило по киргизским и казахским аулам, некоторые из них занимались прорицаниями, а их поведение и действия почти ничем не отличались от шаманских.¹⁰ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, посетивший Тянь-Шань в 1856—1857 гг., воспроизводит в своей книге изображение *дуана* (колдуна, прорицателя) Большой Орды, держащего в руках посох, чрезвычайно напоминающий дервишский.¹¹ Такой посох у киргизов имеет название *шалдыркандуу аса таяк* — «посох (дервиша) с погремушками». ¹² Описываемый нами посох относится именно к атрибутам странствующих дервишей.

Он вырезан из одного куска дерева светло-коричневого цвета, состоит из трех «секций». Верхняя — лопатообразная (длина — 33 см, ширина — 8 см), имеет прямоугольную вытянутую форму. Сверху, в центре, расположен небольшой выступ (длина — 2.3 см). Лицевая сторона этой «секции» посоха покрыта резным орнаментом в виде рогообразных завитков. К каждому завитку прикреплены небольшие железные колечки, в которые вдеты металлические же подвески в форме буквы «Л» с сильно загнутыми концами (их длина — 4 см). Всего имеется 10 подвесок. В нижней части этой «секции» (по бокам) прикреплены еще два металлических кольца с продетыми в них подвесками листообразной, вытянутой формы (длина — 5 см); в центре нижней части «секции» имеется небольшое сквозное отверстие, в котором, возможно, была закреплена еще одна подвеска. Средняя «секция» посоха имеет круглую в сечении форму (длина — 73.5 см), гладко обстругана. К ней прикреплены еще два небольших металлических кольца со вдетыми в них круглыми колечками (диаметр — 2 см).

При прикосновении к посоху металлические кольца и подвески издают дребезжащий звук. В кольцах, расположенных на средней «секции», закреплён тонкий кожаный ремешок (длина — 125 см, наибольшая ширина — 0.9 см). Концы ремешка (длина — 16 и 19 см) спиты вдвое. С помощью ремешка посох мог надеваться на плечо. Нижняя «секция» посоха представляет собой железный копьевидный наконечник, верхняя часть которого имеет круглую в сечении, а нижняя — четырехгранную, удлиненную форму. Длина наконечника — 18 см. Общая длина посоха — 127 см, наибольший диаметр — 10 см.

Вторая группа предметов из рассматриваемых коллекций имеет своеобразный, точнее — двойственный характер. Это разного рода вещи, находившиеся у почи-

¹⁰ См.: Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. — Этногр. изв., СПб., 1832, с. 57, 63, 64.

¹¹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1948, с. 192—193.

¹² Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 74. — *Аса* — посох; посох из абелии, деревянистого растения.

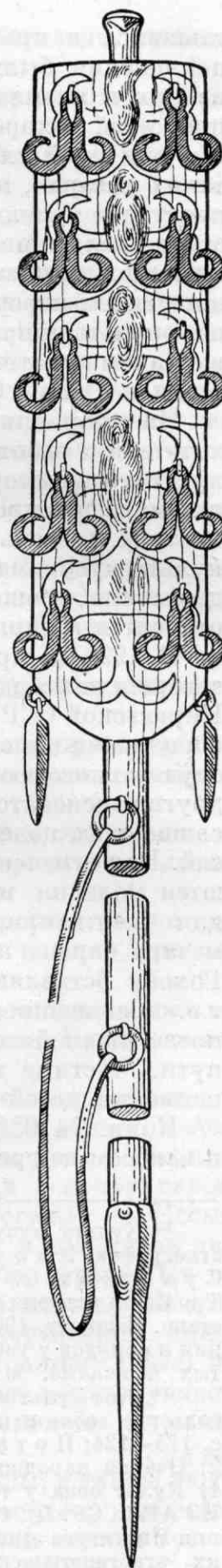

Рис. 1. Посох мусульманского прорицателя.

тавшихся в прошлом святынь (*мазар*). С одной стороны, эти объекты поклонения были тесно связаны с культом святых в исламе, некоторые из них и назывались именами тех или иных мусульманских святых или пророков, захороненных здесь или посетивших эти места либо оставивших тот или иной след своего пребывания.¹³ Поэтому предметы, находимые на таких мазарах, имеют то или иное отношение к ритуалам, сопровождающим почитание мусульманских святых. С другой стороны, в Средней Азии и Казахстане имелось множество таких священных мест, которые прямо не связывались с почитанием каких-либо конкретных личностей и являлись реальным воплощением широкого круга представлений, вытекающих прежде всего из древнего культа природы. Такого рода мазары мы рассматриваем как локальные варианты культовых сооружений, широко распространенных в Центральной Азии и Южной Сибири и известных под названиями *обо*, *обога*, *обоо*, *оваа*.¹⁴

Не останавливаясь подробно на всех разновидностях мазаров, я отсылаю читателя к работе Н. А. Кислякова, где не только описаны и опубликованы предметы некоторых таджикских мазаров, хранящиеся в МАЭ, но и подробно рассмотрен вопрос о мазарах и их типах, в особенности на территории Таджикистана.¹⁵ Очень многое из того, что сказано Н. А. Кисляковым по поводу культа мусульманских «святых» и культа местной природы, олицетворяемой деревьями, рощами, скалами, камнями, источниками и т.п., полностью относится к киргизским, казахским и каракалпакским мазарам.

В 1926 г. практиканты МАЭ Н. П. Дыренкова и И. Д. Старынкевич совершили поездку в Ат-Башинский район современной Нарынской области Киргизской ССР, где посетили высокогорные долины Арпа и Аксай. Наряду с научными изысканиями по киргизской этнографии они собрали этнографическую коллекцию, которая была ими в 1928 г. принесена в дар МАЭ. Среди других экспонатов в ней были представлены жертвенные предметы с мазара — священного целебного источника (*арашан*), расположенного в долине р. Аксай. Как отмечает в своей описи Н. П. Дыренкова, около мазара «устраиваются моления и жертвоприношения. К рогам барана, предназначенного для жертвоприношения — тюлёё, привязывают вату или ленты. Около мазара барана колют и мясо съедают. Ленту и вату оставляют в камнях. Голову оставляют в том случае, если зарезанное животное было *ыжык*, т.е. посвященное. Рога и черепа диких животных складывают на камни после удачной охоты и даже в том случае, если человек найдет череп на своем пути. Частные жертвоприношения устраиваются при болезни скота, при неимении детей и т.д.». Далее следует описание трех предметов с мазара.

Колл. № 3359—18. Череп барана с вложенным в него куском ваты и волосом из гривы лошади (длина — 19 см, ширина — 8 см).

¹³ Культ мусульманских «святых» в Средней Азии посвящен ряд работ советских этнографов: К н о р о з о в Ю. В. Мазар Шамун-наби. — Сов. этнография, 1949, № 2; С у х а р е в а О. А. 1) К вопросу о культе мусульманских святых в Средней Азии. — Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. II, Ташкент, 1950; 2) Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960, с. 31—41; С н е с а р е в Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 266—306; Б а с и л о в В. Н. Культ святых в исламе. М., 1970.

¹⁴ Этот культ исследовался советскими этнографами — см.: К а г а р о в Е. Г. Монгольские «обо» и их этнографические параллели. — В кн.: Сб. МАЭ, т. VI. Л., 1927, с. 115—124; П о т а п о в Л. П. 1) Культ гор на Алтае. — Сов. этнография, 1946, № 2; 2) Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, с. 358—363; Д ь я к о н о в а В. П. 1) Культ оваа у тувинцев. — Краткое содержание докладов годичной научной сессии ИЭ АН СССР. Л., 1971; 2) Культовые сооружения тувинцев. — В кн.: Полевые исследования Института этнографии. 1974. М., 1975, с. 157—164; А б р а м з о н С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 300—305.

¹⁵ К и с л я к о в Н. А. Нотивные предметы горных таджиков (по коллекциям МАЭ). — В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970. (Сб. МАЭ, т. XXVI).

Колл. № 3359—19. Череп дикого козла. К рогам привязаны красные нитки и пестрые тряпочки.

Колл. № 3359—20. Рог дикого козла (длина — 26 см), обмотанный белой шерстью.

В 1948 г. мне довелось быть в Джумгалском районе той же Нарынской области, в долине р. Джумгал. Когда я писал статью о росте культурности колхозников, то среди других примеров приводил и такой: «Об этом же самом говорит полное забвение населением широко популярной в прошлом „священной“ роши («мазар»), в которую отправлялись для поклонения „покровителю“ Джумгалской долины — „Джумгал-ата“ и принесения жертв в случаях стихийных бедствий, семейных несчастий, болезней и т.п.»¹⁶ Эту рошу, расположенную на берегу р. Джумгал, я посетил и осмотрел. На фоне небогатой растительностью долины она очень резко выделяется густой зеленью, где преобладают ива, тальник. На небольшой лужайке среди деревьев были видны остатки очагов, сложенных из камней, на которых устанавливались котлы для варки жертвенного мяса. На деревьях висели различные предметы. Некоторые из них были мною привезены для МАЭ.

Колл. № 4800—1. Ветка *боз тала* (одного из видов тала). К ней привязана тонкая полоса марли, к боковому отростку ветки прикреплен английская булавка, служившая, видимо, для удержания тряпочки. Длина ветки — 56 см, отростка — 29 см, толщина ветки — 4,5 см.

Колл. № 4800—2. Такая же ветка, к которой привязана серая тряпочка. Длина ветки вместе с отростком — 65 см.

Колл. № 4800—3. Ветка *боз тала*. В нижней части к ней привязана полоска бумажной ткани белого цвета с черным рисунком. Длина ветки — 55 см.

Колл. № 4800—4. Тряпочка из белой бумажной ткани, отвязанная от ветки дерева. В 5 см от края она разрезана (или разорвана) на три полоски. Длина — 39 см, ширина — 11 см.

Колл. № 4800—5. Кусочек шпагата, снятый с ветки дерева, к которой был привязан и, кроме того, слепился с нею древесным клеем. Длина — 19 см.

Колл. № 4800—7. Конец кости, по-видимому овечьей, сильно обожженной на огне, — остаток жертвенной пищи. Длина — 12 см. Найден возле остатков очага.

В 1953 г., работая в составе Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР и КиргАН ССР, я посетил мазар Манджылы-Ата. Он расположен в 600—700 м от дороги, не доезжая 3 км до р. Кекилик, по направлению к сел. Боконбаево (бывш. Кольцовка) в Тонском районе Иссык-Кульской области Киргизской ССР, на южном побережье оз. Иссык-Куль. На мазаре — группа отдельно растущих деревьев, в том числе два-три крупных. На ветвях некоторых из них лежат конские черепа. На отдельных деревьях видны следы жира, которым их смазывали. Имеются груды камней — остатки очагов для приготовления жертвенной пищи. Из земли торчит обрубок дерева, считающийся остатком копья (*айза*) некоего богатыря Кёбёк-батыра. Рядом с группой деревьев можно увидеть старое кладбище с надгробными сооружениями, возведенными из камня или глины.

На этот мазар отправлялись раньше бесплодные женщины, а также люди, страдающие различными болезнями. Там обычно ночевали, зажигали свечи и молились, закалывали какое-либо животное, варили мясо и тут же

¹⁶ Абрамзон С. М. В киргизских колхозах Тянь-Шаня. — Сов. этнография, 1949, № 4, с. 67.

его съедали, а затем возвращались обратно. Брели с собой на мазар лепешки и по дороге раздавали их встречным.

Мазар Манджылы-Ата пользовался большой популярностью. На его примере можно судить о существовании некоей «специализации» мазаров. Существовала такая поговорка: «Баш тилесең Манжылы-атага бар, мал тилесең Ак баш-атага бар» (Если желаешь иметь голову, т.е. ребенка, отправляйся на Манджылы-Ата, если желаешь иметь скот, отправляйся на Акбаш-Ата). Мазар Акбаш-Ата находился в стороне от дороги из г. Пржевальска на пристань Пржевальск на оз. Иссык-Куль.

С мазара Манджылы-Ата я доставил в МАЭ следующие предметы:

Колл. № 6138—1. Мешочек (*баитык*) из грубой шерстяной ткани. Обычно такие мешочки употребляются в киргизском быту для хозяйственных нужд, например для хранения соли. Мешочек был повешен на одном из деревьев на мазаре. Нашитые на нем треугольнички из бумажной ткани изображали амулеты-обереги (*тумар*).

Колл. № 6138—2. Петля из крепко свитой шерстяной веревки, скользящая. Один конец завязан узлом, который продет в петельку другого конца. Петля употреблялась для привязывания телят. Снята с ветки дерева на том же мазаре.

Колл. № 6138—3. Ветка дерева, обвязанная тряпочками разного цвета (белого, розоватого, серого), кусочками шерсти, ваты, конским волосом (рис. 2). Длина ветки — 58 см. Нижние ветви деревьев на мазаре увешаны такими тряпочками — знаками почитания. Их оставляли все посещавшие мазар.

В том же году мы посетили мазар Кочкор-Ата, коим являлась до недавнего времени почитавшаяся гора в Кочкорской долине Нарынской области. Она расположена в нескольких километрах от сел. Чолпон. Об этой киргизской святыне упоминал Ч. Ч. Валиханов.¹⁷ Судя по его замечанию, святыней считалась раньше могила Кочкор-Ата. Мы достигли самой вершины горы, но следов могилы не обнаружили. Среди камней нами были собраны остатки рукописных религиозных книг — 26 потрепанных и пожелтевших разрозненных листов (колл. № 6138—5). Размер листов 12×17 см и 14×20 см. У подножия горы мы увидели подобие небольшого надгробного сооружения, возле которого находилась чисто подметенная площадка. Здесь, возле мазара, в течение некоторого времени проживал заезжий мулла (из-под г. Токмака). Он изготовлял свечи и продавал изредка посещавшим мазар верующим из числа местных жителей. Они обычно здесь же и сжигались верующими. Для МАЭ были привезены две такие самодельные свечи (*шам*): тростниковые палочки, обернутые ватой (колл. № 6138—6/2).

В 1948 г. в Джумгалском районе возле мазара Тешик-таш, находившегося в долине р. Сары-Камыш суу (название мазара «Дырявый камень» вполне соответствовало его форме — это был большой валун со сквозным отверстием), были подобраны остатки рукописей религиозного содержания (колл. № 4800—6 а, б, в). Сохранилась картонная обложка рукописной книги (6 а), обшитая с наружной стороны бумажной тканью серого цвета. С обложкой скреплены два исписанных листа плотной бумаги. Вместе с этой обложкой находилась тетрадь (6 б), листы которой сшиты шерстяными нитками. Тетрадь без начала и конца, сильно истлела, чернила частично расплылись. Еще одна пачка (6 в) — часть литографированной книги с вложенными в нее разрозненными листками, исписанными от руки чернилами и карандашом (длина — 19 см, ширина — 13 см).

В 1951 г. нами был осмотрен мазар, тоже под названием Тешик-таш. Он находился на высокогорном пастбище в местности Тешик-таш в Узгенском

¹⁷ В а л и х а н о в Ч. Ч. Записки о киргизах. — Собр. соч., т. I, с. 375.

районе Ошской области, расположенном на Ферганском хребте. Этот мазар носит название Келин-таш (*келин* — сноха, невестка; употребляется также в значении «молодуха»). Мазар представляет собой высокий камень, нижняя часть которого напоминает две расставленные человеческие ноги (рис. 3). Народное воображение представляло себе этот камень женщиной; на голове у нее — белый тюрбан (*элечек*), считавшийся символом замужней женщины. Камень находится возле длинной плоской скалы (рис. 4). Справа и слева от камня растут кусты. Одни из них обильно увешаны тряпочками, кусочками ваты, нитками. Несколько в стороне от кустика стояли две самодельные свечи (колл. № 6017—7 а, б) — тростинки, обернутые ватой (длина—14,5 см). Их возжигали бесплодные женщины, когда просили у святого ребенка. В нескольких небольших углублениях-ямках в камне обнаружены три коралла (колл. № 6017—9), также принесенные бесплодными женщинами,

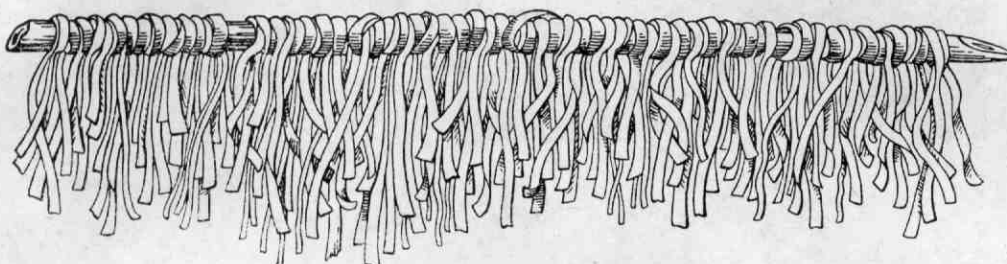

Рис. 2. Ветка дерева с мазара.

коробки спичек, одна из них — производства Барнаульской фабрики, на этикетке олень (колл. № 6017—8), кусочек сушеного сыра (*курут*) серовато-белого цвета (колл. № 6017—6). Возле кустика валялась куриная кость, невдалеке лежали перья.

В нескольких метрах от почитаемого камня был сложен очаг из камней, видны были зола и угли, баранья кость. Между скалой и камнем находился укрепленный высокий шест, у основания которого стояла палочка с привешенными к ней разноцветными нитками.

Между каменными «ногами» пролезали бесплодные женщины-киргизки, жаждавшие получить от мазара исцеление от своего несчастья. Они варили и съедали здесь мясо, приносили с собой и ели лепешки (*токоч*) и печенье (*боорсок*). Оставляли у мазара деньги.

В южной части Ошской области, на Алайском хребте, поблизости от перевала Талдык, находится небольшой мазар Ак-Босого, представляющий собой грудку камней, воткнутый в них деревянный шест, несколько низкорослых кустов и небольшой источник (*кара булак*). В нем купали детей с лечебной целью, взрослые омывались водой. Раньше здесь росло дерево (*четин*), которое собственно и считалось мазаром. Путники, проезжая мимо мазара, останавливались, читали молитву, оставляли тряпочку. С этого мазара нами для МАЭ в 1955 г. привезены две свечи (*шам*) из тростинок, обернутых ватой (длина — 15 и 14 см; колл. № 6176 — 2 а, б); амулет (*тумар*), представляющий собой прямоугольный плоский мешочек (колл. № 6176—3) из сатина с рисунком розового, зеленого и синего цветов, зашитый со всех сторон; к одному из краев мешочка (размер — 4×4,5 см) пришит белый шнурок; мешочек с пучком коричневой шерсти в нем (колл. № 6176 — 4), сшитый из старого выцветшего ситца с остатками красной расцветки (ширина — 13 см); рог жертвенного барана (колл. № 6176—6), сильно попорченный от длительного пребывания на открытом месте (длина — 11 см).

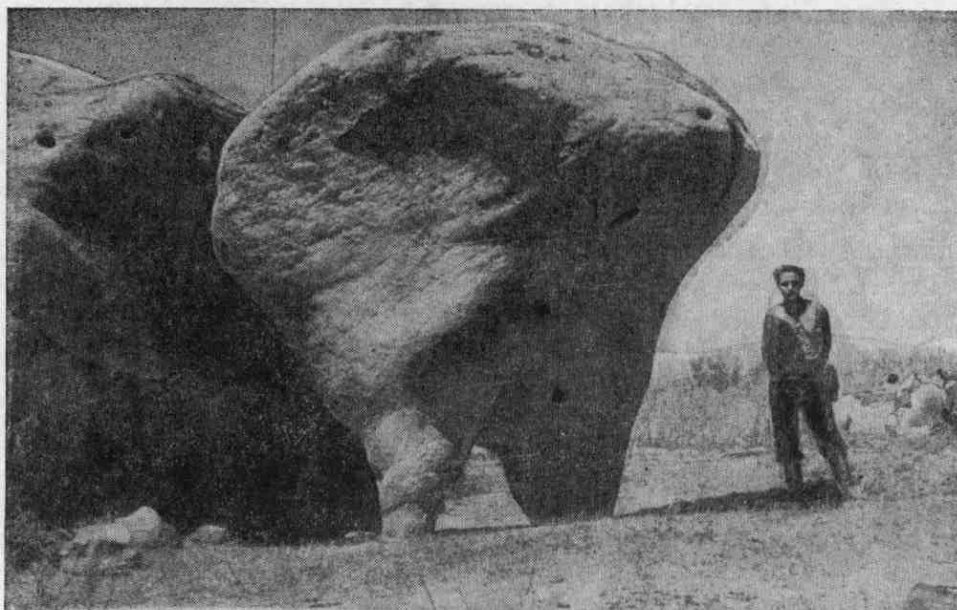

Рис. 3. Мазар Келин-таш.

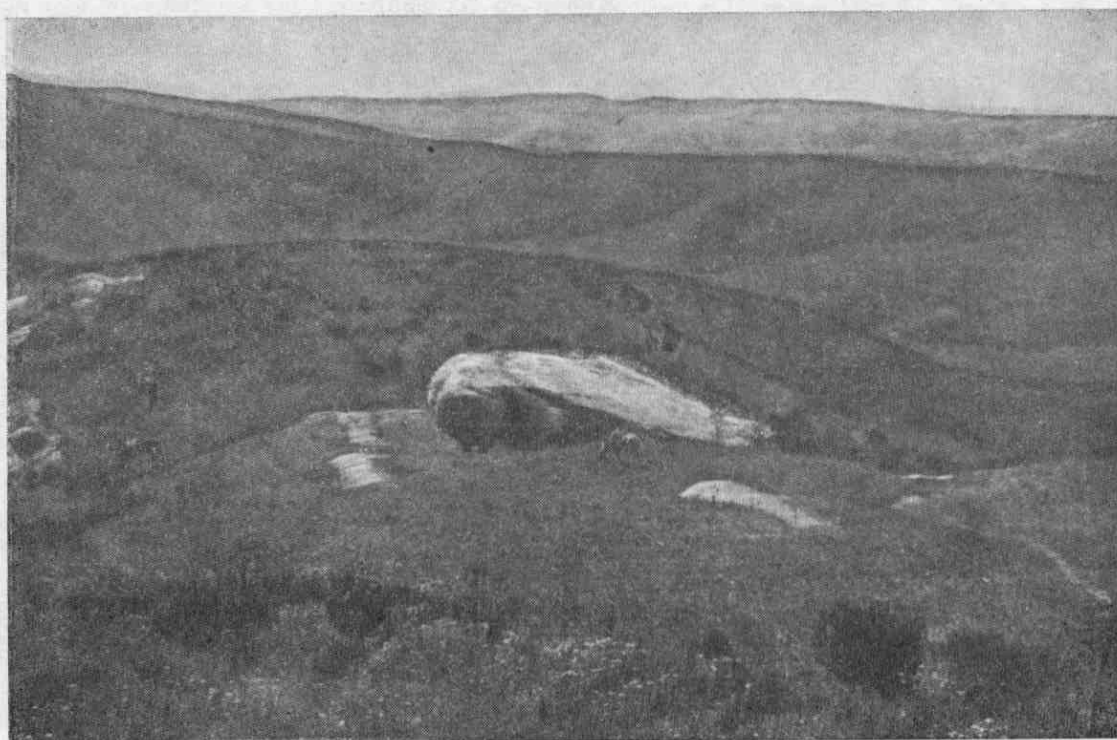

Рис. 4. Общий вид местности, где расположен мазар Келин-таш

В том же Алайском районе пользовался известностью мазар Ак-Киндик: белый бугор (*ак дёбё*), на котором лежала куча камней, а вокруг нее стояла ограда из глины. Рядом находилось несколько могил. На мазар отправлялись бездетные женщины, ставили там свеча. Когда у баев заболел скот или начинался падеж скота, отправляли туда и резали какое-либо животное. Если приезжали издалека, ночевали на мазаре.

В одной из живописных местностей на севере современной Ошской области Киргизской ССР среди реликтовых ореховых лесов воздвигнут мавзолей,

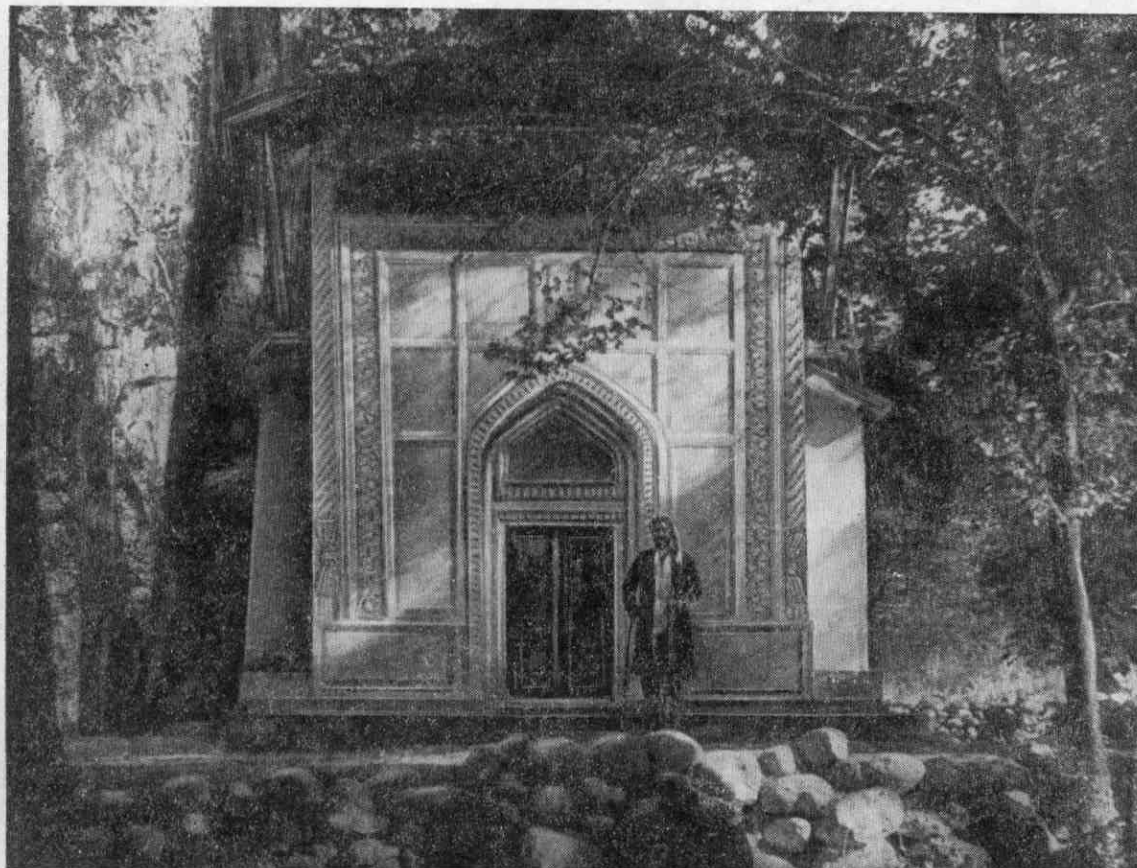

Рис. 5. Мавзолей Арсланбоб.

носящий, как и само урочище, название Арсланбоб (в киргизском произношении Арстанбап). Он пользовался в прошлом большой популярностью среди верующих мусульман, которые совершали сюда паломничество с территорий современных Южной Киргизии и Узбекистана. Мало того, в эту местность привозили для захоронения останки киргизских феодалов-мананов даже из отдаленного Прииссыккуля.

Мавзолей Арсланбоб (рис. 5) относится к числу поздних архитектурных сооружений, датируемых второй половиной XVIII—XIX в. Детальные описания его отсутствуют, имеются лишь упоминания, рисунок и общий план.¹⁸ Его можно было бы отнести к мавзолеям портално-купольного типа, однако вместо купола у него двускатная крыша. В плане мавзолей имеет форму прямоугольника. Поблизости от него расположено небольшое селение, а на некотором расстоянии от самого здания находится дом шейха — хранителя этого мазара. В этом же доме зачастую останавливаются и почуют

¹⁸ См.: Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.—Л., 1950, с. 118, 120.

паломники, которым за незначительную цену представляется возможность приобрести посох, называемый *аса-муса* («посох Моисея»). Посох вырезан из деревянистого растения абелии, известного под тем же названием — *аса-муса*.¹⁹ Мавзолей окружен могучими деревьями грецкого ореха и других лиственных пород, на нижних ветвях которых привязано много тряпочек и других знаков почитания данного мазара. Отсюда привезены для МАЭ пестрая, белая и черная тряпочки (длина — 35, 29 и 21 см, ширина — 1 см), связанные посередине узелком (колл. № 6017—11), и веточка от дерева, растущего около мазара, на которую повязаны две тряпочки и бумажная нитка (колл. № 6017—12).

Если верить легенде, записанной нами в 1950 г., мавзолей-мазар сооружен около двухсот лет назад, т.е. в последней четверти XVIII в., в память о святом, носившем имя Арстанбап (кирг. *арстан* — лев; *бап*, возможно, от персидско-таджикского *баба* — дед, предок, патрон, покровитель).²⁰ Легенда связана с борьбой против завоевателей — ойратских феодалов, временно оккупировавших в XVII—первой половине XVIII в. значительную часть территории Ферганы. Таким образом, в основу легенды, вероятно, легли реальные исторические события.

Согласно легенде, Арстанбап воевал против калмыков (ойратов), стремившихся захватить принадлежавшие мусульманам земли и богатства. Он слыл героем, неуязвимым для пуль врагов. Жена Арстанбапа не была по происхождению мусульманкой, но приняла мусульманскую веру. Калмыки подослали к ней старуху, которой поручили выведать секрет неуязвимости героя. Ей было обещано много золота и серебра. Старуха пришла к жене Арстанбапа и стала просить приютить ее, жалуюсь на то, что она бедная, и одинокая, и та взяла ее к себе. Старуха исподволь начала внушать, что Арстанбап не считает ее своей женой, изменяет ей, многое от нее скрывает. Наговоры старухи возымели свое действие.

Когда Арстанбап вернулся домой, жена не разговаривала с ним и не приготовила ему еду. Он спросил ее, почему она изменила к нему отношение. Жена сказала: «Ты даже не хочешь сказать мне, как оберегаешь себя от вражеских пуль». «Зачем тебе это знать?» — ответил муж. Но она настаивала, и Арстанбап сказал ей, что пуля может поразить его только тогда, когда он читает молитву (намаз). Старуха, узнав от жены Арстанбапа тайну неуязвимости, сообщила об этом калмыкам. В то время, когда Арстанбап молился, калмыки убили его. На мазаре есть камень красного цвета, носящий название *намаздык таш* (молитвенный камень). Говорят, что он «окрашен кровью Арстанбапа». С тех пор это место стало святыней.

Эта бесхитростная легенда находится в ряду легенд, связанных с именами мусульманских героев, воевавших с неверными. Такова, например, легенда о мавзолее Шах Фазиль, находящемся в селении Сафид-Буленд в долине Касан-сая, возле которого находятся две могилы. В одной из них якобы похоронены 2700 спутников пророка и их последователей, павших в бою с неверными. О ней писал автор XIII в. Джемаль Карши.²¹ В конце XIX в. со слов местных жителей было записано предание, очень похожее на рассказанное Джемалем Карши.²²

Другая легенда, относящаяся к местности Арсланбоб, приводится В. И. Масальским. В ней сообщается, что леса в этой местности были некогда насажены богатырем Арсланбобом, слава которого как искуснейшего садовника

¹⁹ Ю д а х и н К. К. Киргизско-русский словарь, с. 74.

²⁰ Там же, с. 90.

²¹ Б а р т о л ь д В. В. Географический очерк Мавераннахра. — Соч., т. I. М., 1963, с. 216—217.

²² Щ е р б и н а - К р а м а р е н к о Н. По мусульманским святыням Средней Азии (путевые заметки и впечатления). Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV, 1896, с. 51.

гремела по всему миру. Прослышав про Арсланбоба, пророк Даниил захотел проверить людскую молву и, придя в Дашманский лес, был поражен созданием богатыря. «Преклонив колена, Даниил стал молить Вседержителя продолжить дни Арсланбоба до прихода Магомета, чтобы научить его искусству насаждать деревья. Просьба Даниила была исполнена. Арсланбоб жил очень долго, после же смерти место его жительства стало священным». ²³ В этой легенде Арсланбоб выступает уже как культурный герой.

Своеобразная легенда о местности Арсланбоб была рассказана нам Сартом Курманалиевым в Алайском районе. Семь братьев, чтимых, уважаемых людей (*азиз*), убежали от врагов в разные места где, впоследствии возникли мазары: Тастар-Ата, Токбай-Ата, Арстанбап, Шамшы-Катал (возле Кетмен-Тюбе), Кюртюк-Ата (в Алайском районе), Мурпостун (в Андижане). Местность Арстанбап называется так якобы потому, что популярная героиня киргизского народного сказания, богатырская дева Джангыл-мырза поймала здесь живого льва (*арстан* — лев).

Мазар Тастар-Ата находился на вершине самой высокой горы, напротив селения Кунэллек. Там было сооружение из камня. Женщины и мужчины подымались на самую вершину, взяв с собой пищу. У подошвы горы есть родник.

Мазар Токбай-Ата был расположен выше пастбища Аджык. Это вершина горы, возле которой в пещере находился камень с углублением (*кёзёнёк-таш*), а в нем — непроточная вода. Больные подымались туда редко, чаще — бездетные женщины. Богатые привозили с собой овцу, там ее резали, мясо варили и съедали. Посещали мазар с весны и до выпадения снега. Возле мазара обычно находилось духовное лицо *кална* (*кальфа*), или *сопу* (*суфи*), которому делали подношения. На мазаре молились, кланялись камню, пекли хлеб, обязательно ночевали там.

Таково «обрамление» легенд о мазаре Арстанбап. Именно благодаря религиозной окраске легенд, которыми был окружен этот мазар, он привлекал к себе большое число верующих с соседних территорий Средней Азии.

Во время поездок в различные районы современной Киргизской ССР нам приходилось видеть и осматривать множество и других самых разнообразных мазаров либо слышать о них. О некоторых из них сохранились только воспоминания. Так, Кул Аалиев рассказывал в 1953 г., что возле реки Тюп, недалеко от ее впадения в озеро Иссык-Куль (в восточной части Прииссыккулья), раньше росло около десятка высоких тополей. Этот мазар, носивший название Тюптүн мазары, был в прошлом очень почитаем. То же самое относится к местности Табылгыты, расположенной в Тюпском районе Иссык-Кульской области, ²⁴ недалеко от дороги в направлении одной из ферм совхоза «Санташ». Там был источник (*булак*), возле которого рос тальник. Страдавшие теми или иными болезнями люди, а также бездетные женщины приносили на этом мазаре жертву (*мазарды таюу*), варили мясо и съедали его, приглашали проходивших мимо и угощали их; пили воду из источника, привязывали на ветки тальника чистые тряпочки (*таза чюпюрёк*), иногда — носовой платок (*бет сачы*), произносили добрые пожелания (*бата*). Приведем тексты таких пожеланий.

Больные, жаждущие исцеления, произносили:

Жарыктык колдой кёр,
айыктыра кёр.
Эч кандай кийимде кир жок,
тазамын колдой кёр!

Миленький (мазар), помоги,
исцели,
ни в какой одежде грязи нет,
я чист, помоги!

²³ М а с а л ь с к и й В. И. Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание, т. XIX. СПб., 1913, с. 710.

²⁴ Табылгыты — место, где произрастает таволга, спирея (кустарник с очень крепкой древесиной), — см.: Ю д а х и н К. К. Киргизско-русский словарь, с. 686.

Бездетные женщины обращались со словами:

Кудай жалгай кёр,
мазар жарыктык, колдой кёр,
бала таптырып бере, кёр!

Боже, помоги,
мазар, миленький, помоги,
ребенка, заставив родить, дай!²⁵

В местности Алмалуу, расположенной в верховьях реки Ак-Суу (восточное Прииссыккулье), имелся источник (*арашан*), окруженный плодовыми деревьями. Это был Алмалуу мазар. Обращавшиеся к святыне пекли здесь лепешки, резали скот (*назыр тамак*), купались в источнике, пили из него воду. Некоторые как будто видели здесь белого верблюжонка (*ак тайлак*), которого считали хозяином источника (*булактын ээси*).²⁶

В Наукатском районе Ошской области вспоминали о семи мазарах, называвшихся именами людей, которые якобы были в них захоронены: Абшер-Ата (в долине Абшер), Сааб-Ата (в долине Чийли), Кек тондуу-Ата (в местности Таджик-кишлак), Кайбирен-Ата (мечеть в местности Ноокат), Кямаль-Ата (по дороге от Науката), Имам-Ата и Кыргыз-Ата (на территории современного Кыргыз-Атинского сельсовета). Однако мазар Кыргыз-Ата нередко называли Кызыр-Ата (по имени мусульманского проповедника Хизра). Он считался местом, где ступал Хизр (Кызырдым кадам жайы). Кызыра (или Ильяса) называли пророком. Все, кто проезжал мимо, останавливались помолиться возле мазара. На плоской вершине двух скал-близнецов (*эгиз зоо*) была устроена мечеть из камня, стоял чугунный котел, в котором можно было варить мясо. В прошлом здесь было много рогов диких животных, хвостов яков.

Нам рассказывали, что раньше часто считали мазаром одинокое большое дерево, во многих случаях им был тополь (*терек*). Посетителями этих мазаров также были обычно люди, жаждавшие исцеления от болезней, и бездетные женщины. Здесь резали овцу, варили и ели мясо, хлеб, молились, оставались ночевать. О подобных мазарах у казахов писал Ч. Ч. Валиханов: «Все необыкновенные явления природы считают за места священные. . . Дерево, одиноко растущее в степи, или уродливое растение с необыкновенными кривыми ветвями служат предметами поклонения и ночевки. Каждый, проезжая, навязывает на это дерево куски от платья, тряпки, бросает чашки, приносит [в] жертву животных или навязывает гриву лошадей».²⁷

В приведенном тексте встречается слово *оба*, что, по Ч. Ч. Валиханову, значит «куча». К этому слову дан довольно точный комментарий: «Обо (оба) — в древности место поклонения у монголов и тюрков. Обычно — это место погребения предков. Ныне это каменные или земляные насыпи, сложенные в виде сфероида. Кучи камней с воткнутыми ветвями, на которые обычно навязывались лоскутки материи и пучки конских волос — жертвы горным духам, т. к. обо в Монголии часто располагались на высоких горных перевалах. (У казахов это делалось на наиболее памятных надгробных сооружениях)».²⁸

Киргизские *обоо*, о которых уже много говорилось, часто сочетали в себе памятное место, связанное с погребением предков, с местом поклонения духам местной природы. В местности Ак-Шыйрак, находящейся на прииссыккульских высокогорных пустынных плато (*сырт*), имеется ряд почитавшихся в прошлом мазаров: Тастар-Ата, Кочкор-Ата, Муңлук-Ата. На первом из них стоят большой камень, к которому прикасались животом без-

²⁵ Записано от Кула Аалиева, 40 лет, относящего себя к подразделению белек племени бугу, с. Кен-Суу, 1953 г.

²⁶ Записано от Мурзаакмата Бакиева, 57 лет, того же происхождения, с. Шапак, 1953 г.

²⁷ В а л и х а н о в Ч. Ч. Тенкри (бог). — Собр. соч., т. I, с. 113.

²⁸ Там же, с. 710.

детные женщины, и шест, лежат рога горных козлов (*текенин мюйюзю*), к ним привешены тряпочки. Во время эпизоотий к этому мазару пригоняли скот с целью его сохранения от падежа. Второй мазар (в ущелье Муздук) представляет собой небольшое глинобитное сооружение, покрытое деревянной кровлей (по некоторым признакам его можно рассматривать как надгробное сооружение). Рядом дерево, на котором навешены тряпочки и хвост лошади. Третий мазар расположен возле перевала Зындан ашуу. Это был большой земляной холм (*чоу дёбё*), возле него дерево и куча камней.

Священными местами до недавнего времени у киргизов считались кладбища (*кёрюстён*). Одно из них было расположено возле пользовавшейся среди мусульманского населения Ферганы широкой известностью горы Тахт-и-Сулейман («трон Соломона»). На этой горе, возвышающейся посреди г. Оша, были почитавшаяся верующими гробница, разного рода камни, которым приписывалась магическая сила исцелять головные боли, одаривать детьми бесплодных женщин и т. п. Кладбище называли Тюбю кыргыздын гёрюстёны (букв. — коренное киргизское кладбище). Здесь хоронили наиболее знатных людей из всех групп киргизов, особенно обитавших в Южной Киргизии. На юге Киргизии изредка можно было встретить и деревянный шест с привешенным к нему хвостом яка или бородой горного козла (*теке*), с белым платком и с лежащими рядом рогами горных козлов и горных баранов (*аркар*). Его ставили возле могилы. Шест называли кавурстан (араб. *кабыр* — могила, надгробие, мавзолей).²⁹

С шеста, стоявшего у изголовья могилы на кладбище, расположенном возле селения Кара-Тейит Алайского района (в долине Алая, на юге Ошской области), нами был снят и доставлен в МАЭ коврик (колл. № 6176—5). Он собран из разноцветных лоскутков, скомбинированных в квадраты. Его размеры — 52×52 см. Центральное поле коврика сшито из четырех вельветовых квадратов зеленого цвета, расположенных крестообразно, и пяти квадратов, скомбинированных из треугольников желтого и черного цветов с вишневым квадратиком в центре. Треугольники обшиты вишневыми сатиновыми полосками. По сторонам расположено по две черные сатиновые полоски, в которые заключены выцветшие прямоугольники из вишневого сатина и квадратики из четырех белых треугольников с черным бархатным и сатиновым ромбиком в центре. По углам коврика — вельветовые квадраты меньшего размера, чем в центре. Все обшито по краю полосками выцветшей красной бумажной ткани с зеленой каймой.

К предметам погребального культа относится деревянное украшение с надмогильного сооружения (*кюмбёз*), привезенное нами с Центрального Тянь-Шаня в 1955 г. (колл. № 6138—4). Это деревянный стержень длиной 53 см с вырезанными на нем двумя шарами и двумя деталями цилиндрической формы, у одной из которых верхний край заострен. Такие украшения увенчивают глиняные башенки, расположенные по углам и фасаду мавзолеев. Еще недавно такие мавзолеи встречались и целыми группами, и в одиночку на старых кладбищах. Их возводили в прошлом на могилах богатых скотоводов и феодальной знати.

В коллекциях МАЭ представлены амулеты, имеющие различное назначение, но в большинстве своем играющие роль оберегов. Часть таких предметов, относящихся к категории детских амулетов (колл. № 3359, подаренная МАЭ Н. П. Дыренковой и И. Д. Старынкевич), уже была нами описана.³⁰ В качестве детских амулетов служили треугольнички, сшитые из ткани, с вложенным внутрь молитвенным изречением, обычно из Корана, кусочки

²⁹ Ю да х и н К. К. Киргизско-русский словарь, с. 311.

³⁰ А б р а м з о н С. М. Рождение и детство киргизского ребенка (из обычаев и обрядов тяньшаньских киргизов). — В кн.: Сб. МАЭ, т. XII. М.—Л., 1949. с. 120—123.

шкуры животных и птиц, когти и перья птиц, голубой бисер, раковина каури (*Surgaea moneta*), шерсть яка, камешки или фигурки в виде сердца, сделанные из свинца или дерева, и т. п.

Много предметов этой же категории нам приходилось видеть в разных районах Киргизии в 1940—1950-х гг. В 1948 г., например, в долине р. Джумгал на одежде мальчика Сергека Джунушалиева можно было увидеть несколько пришитых амулетов. Амулет от испуга (*жюрёк мончок*) состоял из боярышника (*долон*), вырезанного ножом, и из свинца (*коргошун*), вылитого в виде сердца в деревянной форме. На правом плече, сзади, был пришит треугольный амулет (*тумар*) и 20-копеечная монета, на левом — небольшой серовато-желтый камень с отверстием в середине (*канташ*). Этот камень был привезен из Мекки (Мекеден). На шапочке мальчика, сзади, в мешочке, тоже названном тумар, были зашиты семь камешков, взятых с речки (*жети кара таш*). Назначение этого амулета: «чтобы ребенка не сглазили» (*кёз тийбес учюн*). Кроме того, к шапочке были пришиты: кораллы (тоже якобы из Мекки), бусинки разного цвета (*кёк мончок*, *сары мончок*, *кызыл мончок*), косточки финика (*курманын сёёгю*). Все эти предметы имели охранное значение. Уже в качестве украшений сбоку к шапочке были пришиты серебряные монеты, серебряные пуговицы и т. д.

В 1953 г. в Тонском районе (Прииссыккулье) в доме Абатая Абышева висела детская шапочка, к которой был пришит пучок волос 114-летней старухи. Амулет имел целью обеспечить долголетие девочки, но она все-таки умерла — амулет не помог. В этом же доме в качестве оберега в разных местах висели перья филина: над цветным панно (*туш кийиз*), над рамкой с фотографиями, на детской шапочке. Одно перо было воткнуто в балку. В Южной Киргизии нам рассказывали об амулете (*ыйлаак тумар*; *ыйла* — плакать) с зашитой внутрь молитвой, написанной муллой, которая имела специальное назначение успокаивать ребенка от плача (он много плакал).

В 1951 г. в Узгенском районе 68-летний Мамайкул Шалпыков показал нам семейную реликвию, оставленную ему матерью, умершей в возрасте 92 лет. Это была кожаная сумка, в которой хранилась книжечка религиозного содержания (*ырсалы*, т. е. рисоля). К сумке были пришиты четыре треугольных и один прямоугольный тумар, сделанные из ткани. Внутри одного из них находились *сейдене* (чернушка — однолетняя трава, ее семенами посыпают лепешки) и *жыпар мончок* (гвоздика). Кроме того, к сумке были пришиты кусочек боярышника, обычно прикрепляемый к детской одежде от сглаза (это дерево якобы росло в месте, где не было слышно «голоса воды» — *суунун* — *юнун укбаган жердин долоносу*); зуб волка (*карышкырдын тиши*); коготь медведя (*аюунун тырмагы*); коготь филина (*йкюнун тырмагы*); камешек, найденный стариком четыре года назад; предполагалось, что он будет пришит к одежде ребенка, который, возможно, родится у сына Мамайкула (у него было семеро детей и все умерли). Вера в магическую силу всех этих предметов была непоколебима.

В Джумгалском районе (Тянь-Шань) нами был обнаружен в 1948 г. амулет из пера филина (*йкю*), который был пришит к шапочке ребенка (колл. № 4800—11), и амулет из теста, смешанного с золой (*чыпчыкей*) (колл. № 4800—13). Последний имеет круглую форму и восемь отростков. В середине — отверстие, через него продета веревочка, сплетенная из шерстяных ниток; с ее помощью амулет был привешен к колыбели. Служил амулет для успокоения ребенка от плача. Диаметр с отростками — 6 см, длина веревочки — 39 см.

Другое применение имел третий амулет (колл. № 4800—12). Он состоит из пера филина и голубой бусинки из бирюзы (*кёк мончок*), скрепленной с пером шерстяной ниткой (рис. 6). Амулет был подвешен к швейной машине

и имел целью предотвратить порчу машины. Покровителем швейных машин считался Дёёт пайгамбар (пророк Давид). Длина пера — 17 см, нитки — 10 см.

Позднее из северной части Опшской области нам был доставлен срез корня лекарственного растения — *уулжан* (*Ferula schaur*). Резко пахнувший корень зашивался в тумар как средство, оберегающее от укуса змей и каракуртов (колл. № 6017—2). Амулеты, предназначенные для предохранения от болезней, бесплодия, сглаза, злых духов, имели особенно большое распространение. В одной из юрт (ее хозяином был Алтымыш) в местности Тёгёрёк-Шибер на р. Бирик-суу, в Алайском районе (Южная Киргизия), к перегородке, отделяющей «кухню» (*ашкана*) от остальной части юрты, был подвешен тумар, наполненный землей, взятой с мазара. Это был оберег от болезней членов семьи. Мы видели в той же Южной Киргизии тумар, состоявший из двух когтей беркута. Его носила под мышкой бездетная женщина, для того чтобы у нее родился ребенок. Считали, что когти должны расти — и когда они соединятся, это будет признаком того, что ребенок родится. В противном случае надежды уже не оставалось.

Много амулетов подобного типа в коллекциях МАЭ относится по происхождению к казахам. В коллекции, приобретенной во время командировки в Петропавловский уезд Акмолинской области в 1908 г. К. В. Щенниковым, имеется амулет (колл. № 1287—29) (*тмар*). Он представляет собой два кожаных треугольника, в которые зашиты молитвы «в предупреждение от нечистой силы, дурного глаза и болезней». Верхний треугольник большего размера (в основании — 9.5 см, высота — 6 см), нижний — меньшего (в основании — 7.5 см, высота — 4 см). Нижний прикреплен к верхнему за уголок. К большому треугольнику пришит шнур, образующий петлю для ношения на шее. Длина петли — 30 см. Второй амулет (колл. № 1287—30) состоит из головы филина (*укунын басы*). Ее привязывали к колыбели «в предупреждение от нечистого духа». Оба амулета принадлежали казахам Среднего жуза. Первый куплен в Петропавловской волости, второй — в Каратальской волости.

Тот же собиратель в 1909 г. доставил в МАЭ еще два амулета, приобретенных также у казахов Среднего жуза (колл. № 1459—15, 16). Оба сделаны из кожи, в форме треугольника, внутри которого зашита молитва. Такие амулеты прибывались к подушке над косяком юрты с внутренней стороны «в предупреждение от нечистой силы, дурного глаза и болезней». Первый происходит из местности Кишкене-куль Атбасарского уезда Акмолинской области, второй — из местности Джалтыр-куль того же уезда.

В 1936 г. инженер-ирригатор Д. Д. Букинич, известный своим интересом к археологии и этнографии Казахстана и Средней Азии, преподнес в дар

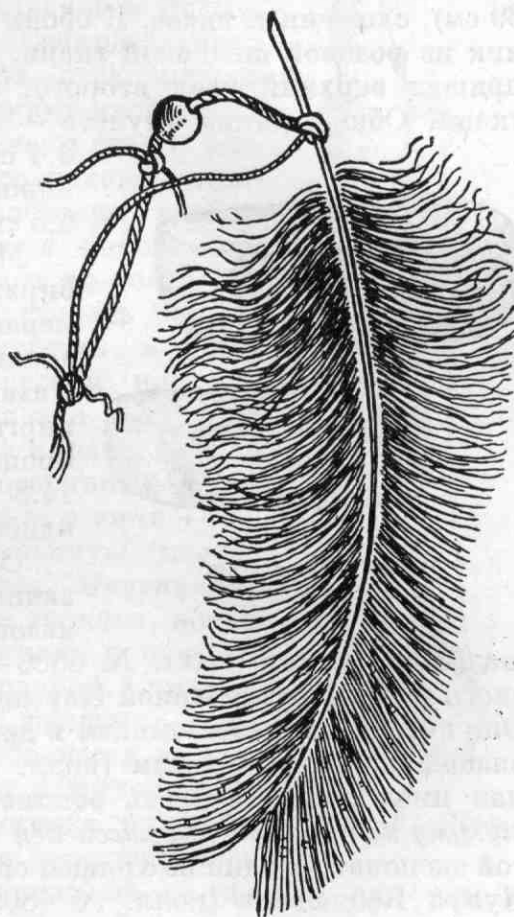

Рис. 6. Амулет.

МАЭ амулет, доставленный им из Кустанайской области (колл. № 5502—8 а, б). Он представляет собой открывающийся серебряный футляр для вкладывания в него молитвы, написанной муллой, украшен выпуклым геометрическим орнаментом. В середине и на концах имеет три металлических петельки для подвешивания. Такие амулеты носили женщины. Длина — 13.5 см, толщина — 2.5 см.

К. Н. де Лазари преподнес в дар МАЭ в 1898 г. амулет (*тумар*), приобретенный им в Лепсинском уезде Семиреченской области (колл. № 411—10). Он состоит из двух треугольников, подвешенных на черном шнурке (длина — 39 см), сложенном вдвое. К обоим концам шнурка пришит верхний треугольник из розовой шелковой ткани. К середине основания этого треугольника пришит верхний угол второго, сделанного из черной хлопчатобумажной ткани. Общая длина амулета — 26.3 см, высота верхнего треугольника — 4.4 см, длина его основания — 7.9 см, высота нижнего — 3.3 см, длина его основания — 6.5 см.

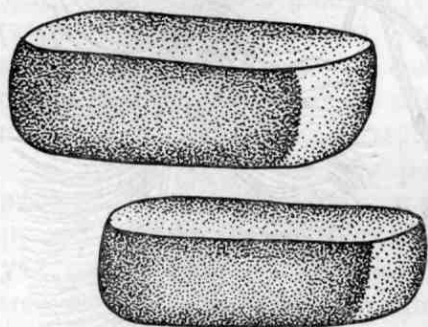

Рис. 7. Талисман.

Между прочим, в коллекции этого же собирателя представлено пять различных по размерам свечей (*шрак*), которые зажигали при заклинаниях и молитвах (колл. № 411—9). Казахские свечи изготовлены иначе, нежели киргизские: палочки чия обматывали тканью, пропитанной салом. Длина — 13.8, 14.2, 14.3, 14.8 и 15 см. Наименьшая толщина — 0.4 см, наибольшая — 0.8 см.

Особый интерес представляют амулеты, связанные со скотоводческим культом. Среди них назовем *жылкынын тезеги* — два «катышка» лошадиного помета (колл. № 4800—8 а, б), привезенные нами из Джумгалского района современной Нарынской области Киргизии в 1948 г. (рис. 7). Они висели на стене комнаты в доме Асылбюбю Коджомкуловой. Были перевязаны конским волосом (колл. № 4800—8 в). Этот своеобразный талисман имел целью вызвать обилие лошадей и вообще прибыль (*жылкынын тукуму кёп болсун, кирешеси кёп болсун*). Одновременно был доставлен другой экспонат — один из хрящей овцы (*кемирчек*). Он был снят со стены в доме Кулуя Кёнчукова (колл. № 4800—9). Когда резали овцу, принято было этот хрящ (в сыром виде) бросать на стену или на купол юрты, над дверью (с внутренней стороны), с пожеланием хозяину, чтобы у него был хороший бегунец (*кюлюк*). Хрящ приставал к стене, его обычно не снимали. Длина хряща — 5 см, ширина — 4 см.

Пожалуй, самым интересным экспонатом этой серии являлся предмет, принесенный в дар Н. П. Дыренковой и И. Д. Старынкевич в 1928 г.: лучевая кость овцы (колл. № 3359—21). Она называется *кары жилик* или *кар-жилик* (рис. 8). Сквозь нее просунута палочка чия (*укурук*; так же называется жердь с петлей, которой киргизы ловят лошадей). Как сообщает в описи Н. П. Дыренкова, «этой кости поручается смотреть за табуном лошадей и охранять его. Обычно зимой, когда устраивается для пастуха угощение, хозяин табуна откусывает осторожно мясо от кости (не касаясь зубами самой кости), делает из чия *укурук* и кладет кость слева в юрте за чий около кереге,³¹ причем произносит соответствующее обращение к кости». Подобное назначение этой кости отмечено нами в 1953 г. на Тянь-Шане: «Считали,

³¹ В данном случае под словом *чий* надо понимать циновку, сплетенную из чия, которой обтягивают нижнюю, решетчатую часть (*кереге*) деревянного остова юрты.

что эта кость „пасет коней“ (*кары жилик жылкы кайтарат*). Ее и волки, и воры боятся. Эту кость нельзя очищать от мяса зубами.³²

К этим свидетельствам можно прибавить пояснение, приводимое К. К. Юдахиным к слову *каржилик*: «... по старым представлениям, достаточно было забить две этих кости в определенном месте, чтобы в потомстве врага не появилось ни одного знатного».³³

Разнообразную, хотя иногда и противоречивую информацию о представлениях, связанных с костью каржилик, бытовавших среди киргизского населения, собрала Л. А. Фирштейн, изучавшая народную кулинарию в ряде районов Нарынской и Иссык-Кульской областей и долины р. Таласа. Собирательница любезно предоставила нам возможность ознакомиться с этой информацией. На вопрос о том, какими свойствами киргизы наделяли эту кость, были получены ответы различного содержания. Некоторые из них совпадают с приведенными выше: охраняла табуны, кобылиц, вообще скот; охраняла человека; находящегося в дороге или далеко от дома. Эту кость хранили в юрте до возвращения уехавшего в дальний путь. Она считалась как бы спутником, товарищем, охранявшим мужчин в пути, особенно во время длительной и опасной поездки. Подвешенная к кереге, кость охраняла далеко уехавшего члена семьи. Употреблялась кость и для охраны от врагов. Когда необходимо было найти потерянный скот, кость забивали в землю либо помещали ее в юрте — закладывали за войлочную орнаментированную полосу (*жабык баи*), служившую для украшения. Маленькому мальчику, чтобы скот у него никогда не терялся, ночью каржилик вшивали в рукав или привязывали к нему.

С этой же костью был связан ряд поверий. Считали, что разламывать каржилик могли только женщины, мужчинам не полагалось это делать. В особенности это относилось к людям одиноким, не имевшим родственников. Точно так же и костный мозг из каржилика мужчины не ели, его употребляли в пищу, да и то изредка, пожилые женщины или старухи. Девушкам вообще не давали для еды эту кость, потому что из-за этого они могли не выйти замуж.

Большинство информантов сообщило Л. А. Фирштейн, что зубами к каржилику нельзя было прикасаться, очищать кость от мяса можно было лишь ножом. Имеются единичные показания, что с этой кости мясо снимали только зубами. Однако нам представляется, что последние показания относятся к более раннему периоду и заслуживают особого внимания, что применение ножа для снятия мяса с этой кости — позднее явление. В пользу такого предположения приведу два довода. Описывая гадание на лопатке у казахов, Ч. Ч. Валиханов отмечает, что, выварив лопатку, «мясо съедают, но до кости не должно касаться зубами; когда бросают в огонь, то около не должно быть железа».³⁴ В монографии о таджиках Хуфа М. С. Андреев остановился на сохранившейся древней традиции отрицательного отношения к железу, с которой были связаны некоторые старые обычаи и обряды, бытовавшие

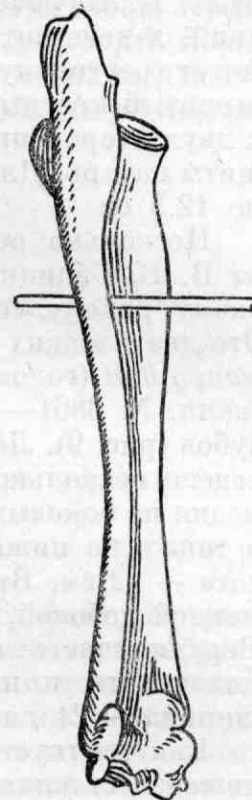

Рис. 8. Оберэг.

³² Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, с. 299.

³³ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь, с. 254.

³⁴ Валиханов Ч. Ч. Тенкри (бог), с. 118.

у таджиков.³⁵ Так или иначе, но вполне очевидно, что кость каржилик наделялась только ей одной присущими свойствами, она имела прямое отношение к скотоводческому культу, хотя ее сакральное значение явно полисеманлично.

Встречались и такие амулеты, которые вешали на шею домашним животным, в частности скакунам. В коллекциях Государственного музея этнографии народов СССР, переданных в свое время из Музея народов СССР, имеется амулет для верблюда (колл. № 23172Т), поступивший в 1902 г. от К. П. Кауфмана из Туркестана. Хотя он значится в описи как киргизский, в действительности этот предмет казахского происхождения. Амулет имеет треугольную форму, сделан из сукна, на нем геометрический орнамент, вышитый красными, желтыми, синими и белыми нитками. К верхнему углу с двух сторон пришиты плетеные шерстяные тесемки. Два других угла зашиты внутрь. Длина основания — 16,5 см, каждой из двух других сторон — по 12,5 см.

Несколько особняком стоят амулеты, поступившие в МАЭ в 1929 г. от В. В. Галицкого. По своему происхождению они относятся к Чимбайскому району современной Каракалпакской АССР (дельта р. Амударьи). Это два конских черепа, названные в описи *atyň basi* (голова лошади) или *manýň basi* (голова животного). Они описаны Г. К. Шульцем. Первый череп (колл. № 3861—1) без нижней челюсти, в нем отсутствуют восемь передних зубов (рис. 9). Лобовая кость вымазана сажеей, над глазными впадинами проведено несколько мазков охряно-желтой краской; той же краской сделаны мазки по боковым частям черепа между носовой костью и верхней челюстью, а также по нижней части черепа. Длина — 37,5 см, ширина — 17 см, высота — 12 см. Второй череп (колл. № 3861—2) без носовой кости и со сломанной лобовой, правая часть верхней челюсти отсутствует, как и все зубы. Верхняя часть черепа раскрашена мазками, черными и фиолетовыми. На нижней части проведено несколько фиолетовых мазков. Длина — 38 см, ширина — 21 см, высота — 13 см.

Как явствует из описи, у каракалпаков в Чимбайском районе черепа лошадей ставились на высоких шестах над входом в глинобитный дом; нередко такие черепа ставили на палках по обоим углам фасада. Иногда конский череп втыкался на палке в кучу уже вымолоченного хлеба на току (*кирман*), вокруг которой остальной хлеб вымолачивали ногами животных. Как в том, так и в другом случае конские черепа у каракалпаков не раскрашивались. По верованиям каракалпаков, конский череп служит для отвода злых духов и дурного глаза. Такие же нераскрашенные черепа нам приходилось видеть стоящими на палках среди посевов у киргизов Тянь-Шаня.

Как пишет Г. К. Шульц, ему приходилось видеть в Даукаринской волости Чимбайского округа на дороге близ Койчи-Куль (небольшое озеро в верстах 20—25 от селения Тахта-Купыр) раскрашенный конский череп, надетый на небольшой колышек, вбитый в землю, а недалеко за ним привязанные к нему веревками два небольших черепа животных (возможно, собак). Это наблюдение относится к казахам (Даукаринская волость заселена ими). Следовательно, описанные черепа относятся скорее к казахам, чем к каракалпакам.

Между прочим, черепам собак казахи придавали особое значение, они использовались как лечебное средство. В коллекциях ГМЭ имеется четыре таких черепа (колл. № 4532—59, 1—4), употреблявшихся казахским знахарем при заговоре от бешенства. Они покрыты или были покрыты пятнами красной краски. Предметы поступили в 1926 г. от собирателей А. Н. Глу-

³⁵ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи). Душанбе, 1958, вып. 2, с. 195—197.

хова и Ф. А. Фиельструпа. Их привезли из района песков Ак-Кум на р. Сагыз (Темирский уезд Актюбинской губернии Казахстана).

Любопытно сообщение, содержащееся в описи коллекции МАЭ, сделанное со слов Д. Д. Букинича. Из него следует, что раскрашенные конские черепа казахские шаманы (*баксы*) в Иргизском и Тургайском районах клали у больших дорог при изгнании злых духов из больных. Баксы выводил женщину, одержимую злым духом, на большую дорогу, произносил ряд заклинаний, обводил над ее головой раскрашенным конским черепом, а затем клал его сбоку. Иногда сзади клался еще череп одной или двух собак. Предполагалось, что конь увезет духов, а собаки сзади будут подгонять коня. Череп коня изготовлялся специально для каждой больной и оставлялся после камлания у дороги, где его никто не должен был трогать, и обычно он лежал, даже не сдвинутый с первоначального места.

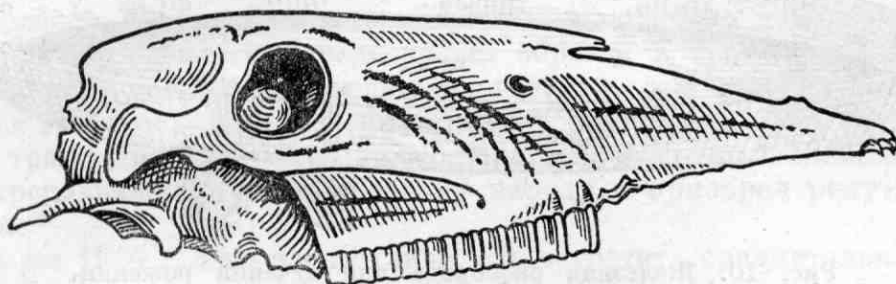

Рис. 9. Конский череп как оберег.

Таким образом, описанные экспонаты документируют тот факт, что раскрашенные конские черепа принадлежали у казахов к числу атрибутов шаманского культа. Аналогичную функцию они выполняли и у киргизских шаманов. В 1953 г. Кадырбек Айтбаев³⁶ поделился своими наблюдениями, которые он сохранил в памяти с детства: шаманка (у киргизов ее называют *бюбю*) сказала нерожавшей женщине, которая к ней обратилась, что ее «связал дьявол» (*шайтан байлап жюргён*), что поможет только лечение *кёчёт кёчюрю* (способ знахарского «переселения» болезни). Чтобы вылечить женщину, шаманка на череп лошади нанесла красной краской длинную линию, синей — перекрестную. Потом сделала три куклы (*куурчак*) из тряпочек, обернутых вокруг палочек чия, что-то пошептала над ними, затем перешагнула через женщину и несколько раз покружила над ней черепом и куклами. В дальнейшем она выбросила эти предметы далеко во впадину (*кабак*). О подобном способе лечения детей, больных рахитом, рассказала нам в 1948 г. бывшая знахарка Б. Чолпонбаева. В изображение человека, нанесенное красной и синей краской на высохший череп какого-либо животного (лошади, собаки, овцы и др.), «переселяли» болезнь ребенка.³⁷

Еще один предмет (колл. № 5235—12) уводит нас в мир казахского шаманства. Это железная сковорода (рис. 10). С одной стороны в крае ее сделано 11 небольших круглых отверстий. В первое отверстие продет кожаный ремешок, на который надет через просверленную в нем дырочку серебряный полуполтинник; на одной стороне его портрет Екатерины II и надпись: «В. М. Екатерина II имп. i самод всерос»; с другой стороны двуглавый орел и надпись: «Полуполтинник» и «год 17. . . 6» (третью цифру разобрать невозможно).

³⁶ Ему было 57 лет, он относил себя к подразделению арых-тукуму племени бугу, Восточное Прииссыккулье.

³⁷ См. А б р а м з о н С. М. Рождение и детство киргизского ребенка, с. 124.

В описи указано, что «в восьмое, девятое и десятое отверстия также продеты кожаные ремешки, к одному из них подвешен екатерининский полуполтинник, к другому — елизаветинский, датированный 1750 годом. Последний ремешок пустой». Фактически к сковороде подвешены лишь две монеты. Диаметр сковороды — 28,5 см, глубина — 3 см. Этот предмет был передан в октябре 1943 г. из Музея нормальной анатомии Военно-медицинской академии в составе коллекции, приобретенной в Атбасарской и Кенгирской волостях Атбасарского уезда Акмолинской области, а также в Терсаканской и Денгизской волостях. Время приобретения не указано.

По сведениям, почерпнутым из описи, сковорода употреблялась при лечении рожениц. На первый взгляд она действительно может быть отнесена

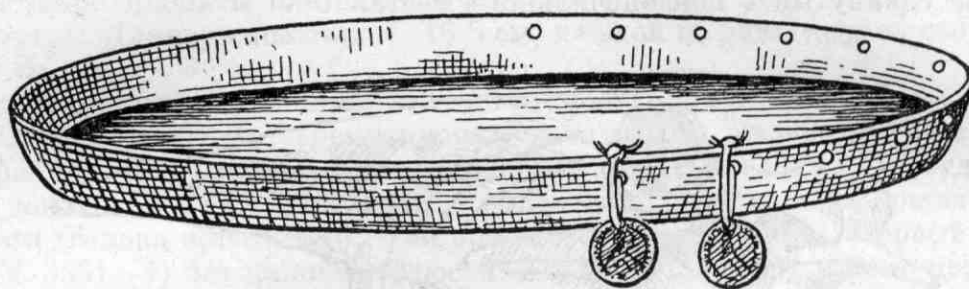

Рис. 10. Железная сковорода для лечения рожениц.

к числу предметов, с помощью которых при трудных родах у казашек производились шумовые эффекты, имевшие целью отогнать от роженицы злых духов, и прежде всего *албасты*. В таких случаях стреляли из ружей, били в металлические тазы и т. п. Но наличие специально сделанных отверстий, к которым были подвешены монеты, издававшие звон, допускает предположение, что эта сковорода не что иное, как реликт шаманского бубна. Приведенные нами данные П. С. Палласа, относящиеся к XVIII в. (казахский шаман «начал бить» в обвешанный кольцами чародейный барабан), а также другие свидетельства³⁸ подкрепляют наше предположение. К сказанному можно добавить, что в коллекции МАЭ имеется фотография, на которой изображена женщина в казахской одежде с бубном в руках (колл. № 255—66). В подписи к ней указано: «Танцовщица» и «Плясунья». Это совершенно неправдоподобно. На наш взгляд, это настоящая казахская шаманка, воспроизводящая «танец» во время сеанса камлания. Отнесение фотографии к «киргизам» является явной ошибкой. Она поступила от фотографа Ф. Ордера в 1894 г. Хотя в XIX в., как следует из описания А. Левшина, казахские шаманы пользовались во время камланий уже не бубном, а смычковым инструментом (*кобыз*), местами, возможно, еще сохранялись и бубны либо заменяющие их предметы типа описанной сковороды, которую можно уверенно датировать XVIII в. Дальнейшие изыскания, как мы надеемся, позволят окончательно решить вопрос, является ли пресловутая сковорода атрибутом шаманки или предметом, который употребляли знахарки.

В составе уже упоминавшейся коллекции № 4800, доставленной нами из долины р. Джумгал (Киргизия), имеются гадальные камешки (*тёлгө таи*). Их 41. Они сложены в небольшой мешочек из хлопчатобумажной ткани, перевязанный шерстяной ниткой (колл. № 4800—10 а, б, в). Длина мешочка — 9 см, ширина — 6 см. Относящиеся к этому виду гадания сведения мы находим у К. К. Юдахина.³⁹

³⁸ Абрамзон С. М. К характеристике шаманства в старом быту киргизов. — Краткие сообщения Ин-та этнографии, вып. XXX, М., 1958, с. 144.

³⁹ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь, с. 757.

В 1973 г. В. П. Курылев передал МАЭ 41 катышек овечьего помета (*қыық бір қумалақ*) (колл. № 6701—6), которые, как он указывает, казахи употребляют при гадании. С помощью гадания на этих катышках, по мнению казахов, их шаман (*баксы*) или специальный гадальщик (*қумалақшы*) предсказывает судьбу человека. Этот экспонат приобретен во время экспедиционной поездки в Мангыстауский район (полуостров Мангышлак) Гурьевской области Казахской ССР в 1972 г., где живут казахи, относившие себя к племени адаи.

По этому поводу мы читаем у Ч. Ч. Валиханова: «Гадатели: *джәурунчи* — по бараньей лопатке, *кумалакчи* — раскладывают известным образом круглые шарики. Число шариков — сорок один. Эти два рода общеупотребительные. Шарики, говорят, употреблял пророк Даниил (Даниер)... Все баксы суть гадатели на собственном их способе гадания...». К этим сведениям имеется следующий комментарий: «Кумалакчи — гадатели на кумалак (шариках). Это был наиболее распространенный способ гадания у казахов. Он заключался в следующем: кумалаки, или круглые камешки, последовательно раскладывались определенным образом в три параллельные линии. Кумалакчи говорит о результатах гадания, основываясь на сочетании шариков в этих трех линиях. Общее количество шариков обычно 41 (число, ставшее традиционным). Даниил — один из четырех библейских пророков... прославился верностью своему народу и приобрел репутацию прорицателя».⁴⁰

В том же 1948 г. нам посчастливилось встретить сравнительно молодую женщину,⁴¹ которая, судя по всему, не являлась профессиональной гадальщицей, но усвоила некоторые приемы раскладки камешков и, сообщив нам молитву, с которой начинает гадание, показала образцы расклада.

ТЕКСТ МОЛИТВЫ

Бисмилла ракман райым байгамбардын
бадышысың, байгамбарымын төлгөсюсюң.
Менин колум эмес, Умай эне, Батма Зуу-
рамдын колу. Ачык айтын ак сүйлө, кырк-
тын бири оң колума тыш! Башың тогуз,
аягың сеги ачас алып, майтегерек тыш!
Оң колум (произносится имя того, на кого
производится гадание) сол колум душман...
турган болсо, карктын бири оң колума
ооп тыш!

ПЕРЕВОД

Во имя аллаха милостивого, милосерд-
ного, ты являешься гаданием (справедли-
вым), как падишах посланник пророка,
являешься гаданием самого пророка.
Не моя рука (совершает гадание), а рука
моей матери Умай, Фатимы, Зухры. Скажи
откровенно и справедливо, пусть один
(из твоих) сорока (камешков) упадет на мою
правую руку! Твоя голова девять, твои
ноги восемь (камешков) да упадут в благо-
словенный круг! Моя правая рука (имя
рек), моя левая рука — враг. Если (имя
рек) действительно является (моей правой
рукой), то один из сорока (камешков),
перевернувшись, упади на мою правую
руку!

Перевод пояснений к раскладу камешков сделан отчасти буквальный, но преимущественно по смыслу. Из приведенных формул видно, что в ряде случаев эти пояснения имели свой «подтекст», раскрыть который не представлялось возможным. Несмотря на несовершенство данных о гадании на 41 камешке у киргизов, оно вызывает значительный интерес, тем более что система расклада у них — в три параллельные линии — аналогична существовавшей у казахских кумалакшы, т. е. глубоко традиционна. С сожалением приходится отметить, что способы гадания у названных народов, вос-

⁴⁰ В а л и х а н о в Ч. Ч. Тенкри (бог), с. 116, 630.

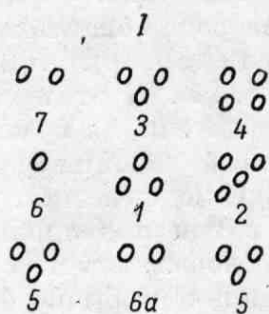
⁴¹ Бейшебюбю Турсунбаева, 36 лет; ее муж Кулмамбет — из группы ак-кавак племени саяк, колхоз «Кызыл-Кыргызстан» Джумгалского района.

ходящие к очень древним временам, не получили должного отражения в литературе.

Приведенные описания вотивных предметов убедительно свидетельствуют о сохранении у казахов, киргизов и каракалпаков доисламских религиозных верований.

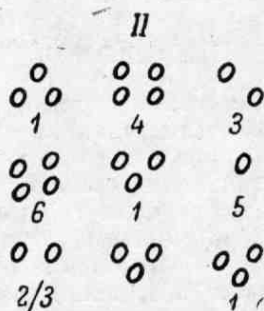
ОБРАЗЦЫ РАСКЛАДА

1. НА ПРИСУТСТВОВАВШУЮ ЖЕНЩИНУ

1. Жюрёгюң сөйюңкөштө (сердцу радость).
2. Бейрөгюң ток (будешь беззаботный).
3. Мандай жарык (в радостном состоянии).
4. Асмас кабак бюркө (немного опечаленная).
5. Босогодон тогойт (у твоего порога будет рассчитывать).
6. Босого бекем (убытка не будет, т. е. ничего не угрожает).
- 6a. Душмандын бейрөгю ач (открой плохие намерения врага).
7. Душман башы (голова врага).

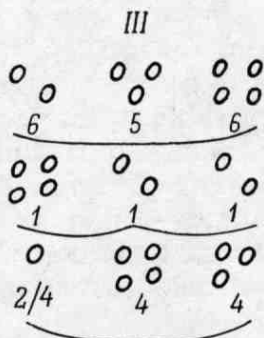
2. НА АВТОРА ЭТИХ СТРОК

(Тр икамешка в нижнем ряду считаются за один).

1. Уйюндөн кат бар (из его дома будет письмо).
2. Уйюне кеттин (ты поедешь в его дом).
3. Окюмет менен сөйлөштюн (будешь иметь беседу с представителем государства).
4. Асмас капа болот (немного будет опечален).
5. Бейрөгю ач (открой его плохие намерения).
6. Окюметтун кабыргасы жок (по отношению к тебе государство благожелательно).

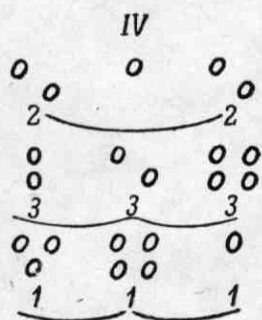
3. ВТОРОЙ ВАРИАНТ НА АВТОРА ЭТИХ СТРОК

(Два камешка равнозначны четырем).

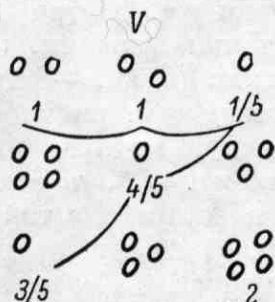
1. Бир деме сойосун (будешь что-либо резать (из животных)).
2. Сен кеттин (ты поедешь).
3. Олжо (добыча).
4. Босого (у порога, т. е. вот-вот должен уехать).
5. Кавагын ачык (ты в радостном состоянии).
6. Биреё менен сөйлөшөсюн (будешь иметь беседу с каким-то человеком).

4. НА СВОЕГО МУЖА

1. Босогодон бошоду (освободится от врагов).
2. Уйю менен сүйлөшү (разговор с его семьей).
3. Тери жайды (что-то (из животных) зарезал) или белинен карман жатат (его держат крепко, узнали его слабое место).

5. НА СВОЕГО РОДСТВЕННИКА

1. Беш энен бештен бешиктеги бала сүйюнгөндөй (придет такая радость, какая бывает у пяти грудных младенцев от пяти твоих матерей).
2. Босогоц бек (твой порог крепкий, т. е. твое положение прочно).
3. Сизден кючтюу (он (соперник или враг) сильнее вас).
4. Жюрөгюн сүйюнюштю (для твоего сердца будет радость).
5. Ушу кишиге баш ийып жатат (сейчас, в данный момент подчиняется этому человеку).